

Слог в паралингвистической и лингвистической фонетике в онтолингвистическом и типологическом аспектах

При овладении русскими детьми родным языком с рождения приблизительно до 12–13 лет наблюдаются различные процессы, из которых нас интересуют три. Первый связан с переходом от дословесного к словесному периоду, когда изменяется соотношение в использовании средств общения паралингвистической и лингвистической фонетики. Второй связан с переходом от одного типа языка, где основной единицей членения является слог, который как бы замещает собой морфему, к другому типу, где основной единицей членения становится фонема, а слог проявляет себя как автономная ритмическая единица. Наконец, третий тип изменений связан с переходом от использования одноуровневой фонологической системы к двухуровневой. Интересно определить роль слога во всех этих процессах.

Паралингвистическая фонетика отличается от лингвистической тем, что в первой звуки изначально обладают определенным значением эмоционального характера, а во второй – звуки могут обозначать различные лингвистические значения, т. е. звуки не обладают собственным значением и их содержание определяется через соотношение с другими звуками в фонетической системе языка с помощью различительных признаков.

Дело в том, что и паралингвистическое, и лингвистическое содержание тесно связаны между собой и имеют один источник в онтологическом плане. Это фактически два уровня обобщения информации одного порядка.

Уже в детской дословесной речи (в крике, гулении и лепете) формируются основные средства паралингвистических форм общения. Помимо крика, гуление – это новая форма общения ребенка с окружающей его средой, возникающая приблизительно на втором месяце. Следующая стадия развития общения ребенка – это лепет. При этой форме бессознательно артикулируются не только гласноподобные звуки, но и квазислоги, состоящие из сочетания квазисогласных с квазигласными. При этом квазислоги могут повторяться, и из них могут возникать квазислова и даже квазисинтагмы со своей ритмической структурой и интонационным рисунком. Лепет так же, как и гуление, является своеобразной эмоциональной формой общения, но более сложным образом организованной. Именно в период лепета вырабатываются паралингвистические средства общения. Имея в виду работу Винарской Е. Н. и Богомазова Г. М. *Возрастная фонетика* (2005), можно отметить,

что передние гласные типа *и*, *э* связываются ребенком с мажорными эмоциями, лабиализованные гласные типа *о*, *у* – с минорными. Широкий гласный типа *а* может связываться с эмоциями любой окраски, но придавать им особую значимость. Мягкие согласные усиливают мажорную окраску квазислогов, а губные согласные придают большую минорную окраску этим единицам. Восходящие ритмические структуры типа ямба и анапеста отражают мажорное содержание, а ритмические структуры, построенные по нисходящему принципу, типа хорей и дактиля, – минорные. Интонационные контуры с повышающей интонацией оцениваются как мажорные, а с понижающей – как минорные. Все перечисленные ритмические и интонационные структуры приспособлены для передачи эмоционального содержания средней или умеренной субъективной ценности. В ритмических и интонационных структурах так же, как и в слоговых, выделяются образования высокой субъективной ценности. Так, восходяще-нисходящие структуры призваны отражать явления высокой субъективной ценности, например, ритмические структуры типа амфибрахий и интонационные структуры с восходяще-нисходящим движением тона. Все это согласуется с учением о зонной организации эмоций человека. Об этом подробнее см. (Винарская, Богомазов, 2005).

Далее происходит преобразование паралингвистических средств выражения в лингвистические. Так, из нисходящих ритмических структур типа хорей, имеющих минорное содержание в системе паралингвистических значений, рождаются типичные существительные детской речи *мама*, *папа*, *тетя*, *дядя* и т.п., т.к. именно эта ритмическая форма позволяет наиболее эффективным образом противопоставить конкретное лексическое значение корня абстрактному грамматическому значению окончания. Статистическая тенденция использовать нисходящие ритмические структуры для оформления существительных сохраняется и во взрослой речи. Из восходящих ритмических моделей типа ямба, имеющих мажорное эмоциональное значение в системе паралингвистики, возникают первые глагольные словоформы, характерные для детской речи: *тупи*, *кака*, *бобо*, *иди*, *бай-бай* и т.п., т.к. именно подобная ритмическая форма позволяет представить как единое целое довольно абстрактное лексическое значение глагольного корня и столь же абстрактные по своему содержанию глагольные компоненты с грамматическим значением. Статистическая тенденция использовать восходящие ритмические модели для морфологической организации русского глагола сохраняется и в речи взрослых.

При этом по-прежнему в речевых текстах, особенно образного содержания, в частности, в поэтических текстах, активно используется

эмоциональное паралингвистическое значение восходящих и нисходящих ритмических структур. Таким образом, между каждой сегментной и суперсегментной единицей лингвистического уровня устанавливается определенная связь с единицами паралингвистического уровня, которые послужили базой и источником возникновения соответствующих лингвистических единиц. Паралингвистические средства эмоционального общения, приобретенные ребенком в дословесный период, не отменяются и не забываются, а как бы встраиваются в фонетическую систему русского языка. Правда, старые средства эмоционального общения обобщаются и переоцениваются с новых функциональных позиций, с точки зрения новых функциональных возможностей.

Итак, фонетическую систему русского языка в образной форме можно представить в виде дерева, корни которого представляют собой паралингвистическую фонетическую систему, а ствол и крона – фонетическую систему лингвистического порядка. А так как корни нельзя отделить от ствола и кроны дерева, не разрушая самого дерева, то и фонетика русского языка представляет собой двухуровневую систему, в основании которой лежит паралингвистическая система, на базе которой возникает и функционирует лингвистическая фонетическая система.

Таким образом, при переходе от лепетной речи к словесной происходит переоценка слога как единицы на новой функциональной основе. Лепетный слог (квасислог) не членится на составляющие его компоненты, т.е. на периферию и ядро (согласный и гласный), и он в целом выражает эмоциональные и модальные значения. При этом именно гласноподобный элемент восходящей или нисходящей звучности выражает эти значения. При переходе к словесному периоду освоения языка происходит функциональная переоценка слога. Он становится более структурированным, т.к. в нем выделяется периферия и ядро, т.е. он распадается на согласный и гласный. Кроме того, помимо паралингвистических значений, за выражение которых по-прежнему прежде всего отвечают гласные, согласный и гласный могут выполнять в слове особую лингвистическую функцию, например, в слове *nana* в безударном слове *na* гласный *a* обозначает окончание с его грамматическим значением, согласный *n* относится к корню с его лексическим значением. В результате такой возможности групповое противопоставление по фонетическим признакам согласных гласным поддерживается и различием в их лингвистических функциях, согласные в целом в русском языке отвечают за выражение лексических значений, уникальных по своей природе, а гласные – за выражение грамматических значений с их повторяющимся и серийным характером.

Благодаря этому происходит переоценка значимости элементов слога. С паралингвистической точки зрения ведущим в слоге является гласный, т.к. именно он отвечает за выражение эмоциональных и модальных значений паралингвистического типа. Не случайно через этот элемент слога проявляет себя интонация с ее огромными возможностями в передаче различных эмоциональных значений. Согласный лишь усиливает или ослабляет определенное паралингвистическое значение.

С лингвистической точки зрения ведущим элементом в русском слоге является согласный, который во многом и определяет аллофонную форму гласного в слоге (влияние твердости/мягкости согласного на дифтонгоидность гласного в слоге). Не случайно в потоке русской речи обычно слог начинается с согласного, а завершается гласным. Русский язык относится к консонантным языкам, где согласные преобладают над гласными. Наконец, некоторые типы слогов, где согласные преобладают над гласными, тяготеют к выражению лексических значений. Так, закрытые слоги типа *пап, мам, нянь* закрепляются за корнями существительных как основной частью слова с лексическим значением, а открытые слоги в этом отношении более универсальны и не связаны с определенным морфологическим значением.

Итак, при переходе от дословесного периода, где царят законы паралингвистической фонетики, к словесному, где формируются закономерности лингвистической фонетики, роль слога и составляющих его компонентов меняются. Однако в слоге словесного периода наряду с новыми функциональными возможностями сохраняются старые особенности паралингвистической фонетики. В частности, слоговые структуры способны выражать мажорные и минорные значения различной степени субъективной значимости. Так, открытые слоги (типа CV) тяготеют к выражению мажорных, а закрытые (типа VC) – минорных значений средней субъективной ценности. Закрытые слоги типа CVC способны выражать мажорные и минорные значения, но высокой субъективной ценности. При этом С обозначает любой согласный, а V – любой гласный. Следовательно, слог в словесный период может совмещать в себе как паралингвистические, так и лингвистические особенности, что подтверждает двухуровневость русской фонетической системы, т.е. ее паралингвистически-лингвистический характер. Однако следует подчеркнуть, что паралингвистические свойства слога проявляются прежде всего в образной речи.

Далее переходим к рассмотрению второго процесса, связанного с переходом от одного типа языка в языковом сознании ребенка к другому, который важно оценить с типологической точки зрения, где учитывается соотношение слога и морфемы. В лингвистической типологии языков

утвердилось противопоставление так называемых «слоговых» языков, в звуковой системе которых основной единицей является слог, «неслововым» языкам звукофонемного строя. На начальном этапе словесного периода освоения русским ребенком родного языка основной единицей является слог, являющийся экспонентом определенного лингвистического значения, а при овладении фонологической системой русского языка такой единицей становится фонема, т.е. ребенок переходит от «слогового» типа языка к звукофонемному. При этом слог становится автономной единицей, составляющей основу ритмической организации фонетического слова и других элементов речи. Но это лингвистический взгляд на данный процесс. С паралингвистической точки зрения этот процесс протекает несколько сложнее. В частности, с позиций паралингвистической фонетики и в дословесный и в словесный период слог является экспонентом паралингвистического значения мажорного или минорного характера. В словесный период эта тенденция усиливается в формах образной речи. Уже этот фактор на первоначальном этапе освоения словесной речи помогает слогу искать связь с минимальной лингвистически значимой единицей, которой становится морфема. Как показывают исследования детской речи, именно связь слога с морфемой, экспонентом которой он становится, помогает ему из квазислога превратиться в настоящий слог, состоящий из согласных и гласных фонем, в речи ребенка. Так, на определенном этапе освоения языка русский ребенок при интуитивном слогоделении, когда он сознательно делит слово на слоги, стремится совместить деление слова на слоги с его морфемным членением там, где деление на слоги позволяет ему это сделать.

Об этом свидетельствует исследование интуитивного слогоделения у детей различного возраста. В число испытуемых вошли дети от 2 до 10 лет, т.е. в том числе младшие школьники до 3-го класса. Материал и методика проведения эксперимента нашли отражение в соответствующей работе (Винарская, Лепская, Богомазов, 1977). Авторы стремились найти общие закономерности построения слоговых моделей, которые используют дети различного возраста при слогоделении. Выводы авторов свелись к следующему: «Раньше всего из звукового облика целостного слова детьми вычленяются слоговые сегменты, суммарные акустические характеристики которых имеют тенденцию к восходящей звучности. Такие слоговые модели нечленимы функционально (слогоделение преимущественно по принципу открытых слогов).

Затем слоговые модели, коррелирующие прежде всего с начальными морфемами слова, структурируются как фонемные последовательности (слогоделение преимущественно по принципу закрытых слогов).

В дальнейшем морфологическая структура языка отражается в фонемных последовательностях все более полно (преимущественно морфологический принцип слогаделения)” (Там же, 20).

Из приведенных слов подчеркнем главное для нас. Во-первых, от слога, функционально нечленимого на отдельные фонемы, ребенок переходит к модели, при которой слог распадается на отдельные согласные и гласные фонемы. Во-вторых, старшая группа детей, к которой относятся школьники 3-го класса, при слогаделении преимущественно ориентирована на морфологический принцип слогаделения. Так, если на раннем этапе преобладало деление типа *по-до-кон-ник*, то потом *под-о-кон-ник*; *зас-нуть* потом *за-снуть*; *пок-ра-сить* потом *по-кра-сить*; *бе-зу-пре-чный* потом *без-у-пре-чный*, т.е. слогаделение более точно согласуется с делением слов на морфемы. В то же время в типологии языков соотношению слога и морфемы придается большое значение. Так, частота морфов, экспонированных слогом и совпадающая с ним в своих границах, во флективных языках типа русского не превышает 25%. В агглютинативном уйгурском выше и составляет в текстах 43%. В изолирующих йоруба и вьетнамском большинство морфов совпадает в своих границах со слогом. Но если во вьетнамском тексте такие морфы господствуют абсолютно: одним слогом экспонируется 93,5% – 96,5 морфов, то в йоруба доля морфов-однослогов существенно меньше – 74,4% (Зубкова, 2006).

Вероятно, в период, когда русский ребенок при слогаделении преимущественно ориентирован на морфологический принцип слогаделения, он использует в своей речевой практике изолирующий тип языка. В процессе овладения нормами русского языка он переходит от изолирующего типа к флективному, когда морфема чаще не совпадает с границами слога, чем совпадает. К такой же периодизации в использовании типов правил приходит и В. Б. Касевич, анализируя этапы овладения глагольными формами русским ребенком в процессе развития его речи. Здесь тоже фиксируется переход от использования правил изолирующего типа языка к правилам флективного языка (Касевич, 1998). О существенных изменениях в языковом сознании учащихся при переходе ими из 3-го в 5-й (4-й класс в этой школе по программе отсутствует) и из 5-го в 6-й класс свидетельствуют экспериментальные данные, в которых изучается связь слогаделения и морфослогаделения, т.е. слогаделения, ориентированного на морфемное деление слова, с грамотностью. Величины коэффициентов корреляции, характеризующие уровень связи двух типов слогаделения с грамотностью учащихся, определяемую количеством ошибочных написаний в проверочных работах, показывает, что уровень связи обычного слогаделения с грамотностью учащихся от класса к классу возрастает и в 6-м классе достигает величины 0,65, а

уровень связи грамотности с морфослогоделением с переходом из класса в класс снижается и в 6-м классе равняется – 0,01. Это свидетельствует о том, что, с одной стороны, слог становится автономной чисто ритмической единицей, не обремененной ассоциациями с лексическими и грамматическими значениями, а с другой – слог все чаще не совпадает с границами морфемы, чем совпадает (Богомазов, 2005).

Однако такой лингвистический взгляд на соотношение слога и морфемы в русском языке не может объяснить всех особенностей такого рода соотношения. Так, статистические подсчеты указывают, что в русском языке частота слогов, экспонирующих морф, колеблется в зависимости от характера текста в пределах от 10,5% в научном тексте до 24,4% в разговорной речи и 22,2 – 28,3% в художественном тексте. (Зубкова, 2006, 166). Вероятно, здесь необходимо вспомнить о различном фонетическом оформлении текстов информационного и образного характера. В этом случае научные тексты мы отнесем к информационным, а разговорные и художественные – к образным. В образных текстах звуки (фонемы), слоги, состоящие из фонем, ритмические структуры слов обладают не только лингвистическим значением, связанным в основном с передачей интеллектуального содержания, но и паралингвистическим значением, передающим эмоции и волеизъявления. В информационных текстах соответствующие лингвистические единицы не стремятся передавать паралингвистические значения, т.к. они снижают их информационную достоверность и повышают их субъективную окрашенность (Винарская, 1989; Богомазов, 2001; Винарская, Богомазов, 2005).

Следовательно, когда слог в образном тексте является экспонентом морфемы, то помимо лингвистического значения он обладает паралингвистическим значением, т.е. значение слога носит синкретический характер. Такой синкретизм значения слога возникает в недрах детской речи в определенный период ее развития. А так как базовым в этом случае является паралингвистическое значение, которое неразрывно связано со слогом, то можно предположить, что паралингвистические значения образного текста способствуют совпадению слога с морфемой. Это явление – своеобразный атавизм периода детской речи. Именно такими атавистическими явлениями можно объяснить расхождения в текстовых различиях в совпадении слога и морфемы.

Наконец, перейдем к рассмотрению третьего процесса, связанного с переходом от использования одноуровневой фонологической системы к двухуровневой. Основные положения возрастной фонологии помогают понять, что фонологическая система носителя русского языка, формирование которой у ребенка завершается в основном к 11–12 годам, имеет двухуровневую структуру: нижний уровень обеспечивает процессы

восприятия речи и состоит из фонем 1-ой степени абстракции, а верхний – ориентирован на процессы порождения речи и фиксации ее на письме и состоит из фонем 2-ой степени абстракции. Эта система организована иерархически: без нижнего уровня не может возникнуть верхнего. Подсистема согласных быстрее приобретает двухуровневый характер, чем подсистема гласных, т.к. согласные отвечают за выражение более важных уникальных лексических значений по сравнению с повторяющимися грамматическими значениями, за выражение которых в потоке речи в основном отвечают гласные.

Формирование двухуровневой фонологической системы вносит свои коррективы в процесс, который связан с переходом от одного типа языка к другому, где меняется соотношение между слогом и морфемой, между слогом и фонологической системой, и в результате основной единицей членения становится фонема, а слог проявляет себя как автономная ритмическая единица. Дело в том, что фонемы нижнего и верхнего уровня по-разному строят свои отношения с морфемой. Фонемы нижнего уровня лишь потенциально связаны с морфемой и в этом они сходны с фонемами щербовской фонологии. Фонемы верхнего уровня являются непосредственным элементом конкретной морфемы, и вне ее свойства фонемы определить невозможно. По словам И. А. Бодуэна де Куртенэ, фонема – это подвижный компонент морфемы и признак известной морфологической категории (Бодуэн де Куртенэ, 1963, 122). В этом плане фонемы верхнего уровня сходны с фонемами Московской фонологической школы.

Далее соотнесем различные модели слогаделения, которыми последовательно овладевает ребенок в процессе усвоения норм русского языка, с процессом формирования у ребенка двухуровневой фонологической системы. При овладении ребенком моделью открытого слога можно выделить два периода. В первый период, когда слово распадается на слоговые сегменты, нечленимые на согласный и гласный, а слоговой сегмент представляет собой единый звукокомплекс определенной звучности, в этом случае в слоговом сегменте открытого типа начинают формироваться фонемы нижнего уровня, т.е. фонемы, сходные с фонемами щербовской фонологии. Во второй период открытый слог распадается на согласную и гласную фонему нижнего уровня. В этот период слог лишь sporadически совпадает с морфемой и эти совпадения носят случайный характер.

Когда ребенок с помощью осмысления морфологической структуры слова (особенно в начальной – предударной – его части) овладевает моделью закрытого слога, тогда расширяются возможности совпадения слога с морфемой, например, корневой морфемой существительных,

тяготеющей к структуре закрытого слога типа CVC. При этом совпадения такого рода носят уже не случайный, а закономерный характер. Однако слоги по-прежнему состоят из согласных и гласных фонем нижнего уровня.

Наконец, ребенок овладевает преимущественно морфологическим принципом слогаделения, т.е. тенденцией к морфослогаделению. В этот период возникает возможность у ребенка овладения системой фонем верхнего уровня, т.е. фонем, проявляющих свои свойства в конкретных морфемах. Таким образом, начинается постепенный переход от использования одноуровневой фонологической системы к двухуровневой в речевой практике ребенка. При этом этот переход связан с морфологической структурой слова. Экспериментальный материал выявляет следующую закономерность: 1) чем лексичнее морфема, тем больше ее вклад в формирование фонем верхнего уровня; 2) в предударной части слова этот вклад больше, чем в заударной (Богомазов, 2005, 153). Возможно, что этот процесс характерен и для других языков иных типов (Зубкова, 2006, 166–167).

Максимальное владение морфологическим принципом слогаделения формируется у ребенка к 3-му классу, т.е. приблизительно к 9–10 годам. К этому периоду относится максимальная связь морфослогаделения учащихся 3-го класса с уровнем их грамотности (коэффициент корреляции достигает значимой величины и равен 0,52) (Богомазов, 2005, 126). Вероятно, к этому периоду следует отнести окончательное формирование в языковом сознании учащихся изолирующего типа языка, когда слог в максимальном количестве случаев совпадает с морфемой и это совпадение превышает типологические нормы взрослого носителя русского языка. В то же время с этого момента начинается переход от изолирующего типа языка, где ведущей единицей является слог, к звукофонемному строю, где основной единицей являются как фонемы верхнего, так и нижнего уровня. Об этом свидетельствуют экспериментальные данные по слогаделению учащихся в 3-м классе. Так, в этот период многие из детей перестают обращать внимание на реальное звучание предложенных для слогаделения слов и целиком полагаются на свои знания о фонемном составе соответствующих морфем. При этом дети явно ориентированы на использование фонем верхнего уровня, т.е. фонем Московской фонологической школы. Например, *французский* <фран-цуз-ски>; *свистнуть* <св'ист-нут'>; *разведчик* <раз-вед-чик>; *мыться* <мит'-с'а> и др. (Винарская, Лепская, Богомазов, 1977, 10).

Это объясняется тем, что морфологическая модель слогаделения не может стать абсолютно ведущей. Этому препятствуют типологические особенности русского языка, который относится к флективному типу. В этом случае слог чаще не совпадает с морфемой, чем совпадает. Кроме

того, фонологический состав слога не постоянен в результате действия явления рессилабации, которое имеет место во флективных языках типа русского (*nan* – слог имеет один состав фонем, но *nana* – первый слог имеет другой состав фонем) (Касевич, 1977). В последующих классах слог теряет свои свойства языка изолирующего типа и проявляет себя как автономная ритмическая единица, а ассоциативные связи с лексическими и грамматическими значениями переходят в ведение фонем. В системе фонем нижнего уровня эти связи носят потенциальный, а в системе фонем верхнего уровня – непосредственный характер. Об этом косвенно свидетельствует падение связи морфослогоделения с уровнем грамотности учащихся в 6-м классе по сравнению с 3-м (об этом сказано ранее).

Таким образом, все три процесса взаимосвязаны друг с другом. Каждый из них вносит свой вклад в объяснение особенностей связи слога с паралингвистическими и лингвистическими значениями, в частности в соотношение слога и морфемы. При этом, с одной стороны, сопоставление этих процессов помогает уточнить некоторые типологические особенности в соотношении слога и морфемы в различных типах текстов, относящихся к разным стилям русской речи, а с другой – глубже понять переход от изолирующего типа языка к звукофонемному с фонологической точки зрения и уточнить временные рамки данного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

- Богомазов, Г. М. 2001. *Современный русский литературный язык. Фонетика*. – Москва.
- Богомазов, Г. М. 2005. *Возрастная фонология (двухуровневая фонологическая система и ее роль в формировании чутья языка и грамотности учащихся 1–6 классов*. – Москва–Ярославль.
- Бодуэн де Куртэнэ, И. А. 1963. *Избранные труды по общему языкознанию*. В 2-х т. Москва.
- Винарская, Е. Н., Лепская, Н. И., Богомазов, Г. М. 1977. *Правила слогоделения и слоговые модели (на материале детской речи)* // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. – Москва.
- Винарская, Е. Н. 1989. *Выразительные средства текста (на материале русской поэзии)*. – Москва.
- Винарская, Е. Н., Богомазов, Г. М. 2005. *Возрастная фонетика*. – Москва.
- Зубкова, Л. Г. 2006. *Соотношение морфемы и слога в свете лексичности/грамматичности языка и его значащих единиц* // Русистика и компаративистика. Сборник научных статей. Выпуск 1. – Москва.
- Касевич, В. Б. 1977. *Элементы общей лингвистики*. – Москва.
- Касевич, В. Б. 1998. *Онтолингвистика, типология и языковые правила* // Язык и речевая деятельность. Том I. – Москва.

Ontolinguistic and Typological Aspects of the Syllable Role in Paralinguistic and Linguistic Phonetics

The analysis of three processes taking place in child speech during the period of mastering the Russian language is presented in the article. The first process is connected with transition from “pre-word” forms of speaking, in which the structures of paralinguistic phonetics are used, to word based speaking, when both paralinguistic and linguistic phonetic means are used. The second process takes place in the frame of the word based speaking period. It is connected with transition from insulating type of language, where a syllable is the basic unit, to an audiophoneme structure, where a phoneme is the main unit and a syllable becomes an autonomous rhythmic unit. The third process is connected with the child’s transition from single level phonological system in his (her) speaking activity to two levels phonological system.

On the one hand, it helps to understand and more accurately define some typological features of interaction between syllables and morphemes in different types of texts related to different styles of the Russian language. On the other hand, it contributes to better understanding of transition from insulating type of child speech to audiophoneme type from phonological point of view. It also helps to define more precisely the period of time when these processes take place.

The analysis is based on investigation of child speech development from the birth to the age of 12–13.

Key words: *child speech, paralinguistic phonetics, word based speaking, audiophoneme structure, mastering a language.*